

УДК 94(4)

**ИСТОРИЯ СЕМЕЙСТВА ХРЕПТОВИЧЕЙ-БУТЕНЕВЫХ
В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ТЕРРИТОРИЙ****А. С. ОНУПРИЕНКО***(Представлено: канд. биол. наук, доц. О. А. ЕМЕЛЬЯНЧИК)*

Рассмотрена судьба Аполлинария Хрептович-Бутенева, его детей и внуков на территориях Европы, которые были оккупированы нацистскими захватчиками в ходе Второй мировой войны и Великой Отечественной войны.

Хрептовичи-Бутеневы были известным и богатым родом помещиков, многие представители которого жили на белорусских землях и имели здесь свои владения [1, с. 60]. Появление данной фамилии произошло в связи с переходом к роду Бутеневых графских имений и титула рода Хрептовичей от последнего представителя этого рода Михаила Хрептовича [2, с. 204]. В Российской империи Михаил и Аполлинарий Хрептовичи-Бутеневы смогли проявить себя на дипломатической службе, а Константин Хрептович-Бутенев построил себе военную карьеру [3]. Согласно имеющимся историческим данным, в описываемый период у данных помещиков была собственность на белорусских [4, с. 46, 48, 88; 1, с. 60–61] и польских землях [4, с. 41], а также во Франции [4, с. 226]. Семья Хрептовичей-Бутеневых в этот период состояла из Аполлинария (главы семейства), его жены Ольги, детей от прошлого брака Аполлинария: дочерей Прасковьи (1911 – 1969), Марии (1913 – 1973), Елизаветы (родилась в 1915 году), Екатерины (родилась в 1917 году), сыновей Константина (1912 – 1963), Михаила (родился в 1919 году) и Сергея (1922 – 1974) [4, с. 5].

В данной работе рассматривается судьба семейства Хрептовичей-Бутеневых в годы нацистской оккупации. Актуальность темы исследования определяется тем, что история представителей рода Хрептовичей-Бутеневых, имевших земельные владения на белорусских землях, в период Второй мировой войны является плохо изученной.

Необходимо кратко описать положение местных помещиков на оккупированных немцами территориях. На польских землях в созданном оккупантами «генерал-губернаторстве для оккупированных польских земель» (Краковский, Варшавский, Люблинский и Радомский округа, с 1941 года – округ «Галиция») [5, с. 285] оккупационные власти конфисковали около трети сельскохозяйственных имений. Часть помещичьих имений находилась под принудительным управлением оккупационных властей, поэтому в генерал-губернаторстве крупные землевладельцы до некоторой степени сохранили свои позиции [5, с. 291]. Политика оккупационных властей не давала серьезных возможностей для сотрудничества с ними имущим слоям Польши [5, с. 292]. На белорусских землях бывшие помещики стремились добиться от гитлеровцев возврата национализированной советскими властями земли. В первые недели оккупации, когда направления оккупационной политики не были еще четко определены, в ряде случаев военные власти могли принимать решения о возврате национализированной собственности, что в дальнейшем противоречило немецкой политике в этом вопросе [6, с. 98 – 99]. После установления гражданской оккупационной администрации гитлеровцы заявляли, что существовавший при советской власти закон о собственности пока не может быть отменен, в большинстве случаев бывшим владельцам не удалось вернуть национализированную собственность [7, с. 111 – 112]. Часть пострадавших от советских репрессий получили должности в органах управления захватчиков. В начале оккупации на белорусских землях смогли усилить свое влияние поляки, включая вернувшихся польских помещиков, но с 1942 года гитлеровцы стали удалять многих из них из органов управления [8, с. 42 – 45].

В 1939 году имение Щорсы, принадлежавшее Аполлинарию Хрептович-Бутеневу, было занято советскими войсками [1, с. 61]. Аполлинарий подвергся репрессиям по политическим мотивам [4, с. 47–49]. К началу Великой Отечественной войны он отбывал срок в тюрьме в Барановичах [1, с. 61]. Его жена Ольга, дети Михаил, Сергей, Мария и Екатерина, а также внук Сергей и внучка Екатерина стали жить в Новогрудке с осени 1939 года [4, с. 28 – 30], позже члены семьи Аполлинария (кроме Марии) эмигрировали в оккупированную нацистскими войсками Польшу [4, с. 31 – 33; 4, с. 28 – 29]. Согласно воспоминаниям жены Аполлинария О. Хрептович-Бутеневой, они поселились в Варшаве, в подвале своего особняка, разрушенного от попавшей в него бомбы. Там имелось помещение с ванной и кухней. Средства для жизни они зарабатывали за счет продажи своих вещей. Потомки Аполлинария стремились переселиться в другие страны: дочь Екатерина, внук Сергей и внучка Екатерина планировали уехать в Италию [4, с. 41], а сын Сергей смог уехать в США, где жил у своего дальнего родственника профессора консерватории в Цинциннати Л. Конюса, учился в данной консерватории [4, с. 170]. Михаил,

находясь на оккупированной территории Польши, пытался добиться освобождения своего отца, арестованного советскими властями [4, с. 41].

Сведения о дальнейшей судьбе Михаила содержатся в воспоминаниях А. Трубецкого, племянника Аполлиария [1, с. 59]. А. Трубецкой жил в имении Щорсы с декабря 1941 года [1, с. 57–59], он проживал рядом с Хрептовичами-Бутеневыми вплоть до того, как в 1943 году они уехали во Францию [1, с. 59 – 109]. Поэтому он был очевидцем многих событий, связанных с Хрептовичами-Бутеневыми. По воспоминаниям А. Трубецкого, Михаил в 1939 году сбежал из Щорсов, а затем поселился в Кенигсберге у друга семьи профессора славянской культуры Кенигсбергского университета Н. Арсеньева, поступил в вышеназванный университет на экономический факультет [1, с. 71]. К декабрю 1939 года в оккупированную нацистами Варшаву бежала из СССР Мария Хрептович-Бутенева [4, с. 42].

После начала Великой Отечественной войны, в новой сложившейся ситуации Аполлиарий Хрептович-Бутенев смог покинуть тюрьму в Барановичах. По воспоминаниям А. Трубецкого, охрана тюрьмы в Барановичах разбежалась в первые дни войны, после чего заключенные смогли выйти на свободу [1, с. 61]. Ольга Хрептович-Бутенева, опираясь на полученное в Иране известие, сообщает о том, что из тюрьмы Аполлиария выпустили занявшие Барановичи немецкие военные части [4, с. 226].

Фашистская оккупационная власть вернула Аполлиарию права хозяина имения Щорсы. Туда вернулся бывший управляющий Малишевский, он был восстановлен в должности управляющего [1, с. 61]. В 1941 году Машилевский выдал оккупантам людей, сотрудничавших с советской властью и борющихся с помещиками после занятия этих земель Красной Армией в 1939 году. Те, кого он выдал, были расстреляны [1, с. 69].

Ольга Хрептович-Бутенева пишет о том, что ей прислал телеграмму профессор консерватории в Цинциннати Л. Конюс, из которой можно узнать о том, что Аполлиарий находился в больнице (на оккупированной нацистами территории), т. к. в телеграмме указано, что он покинул ее в сентябре 1941 года. В телеграмме сообщалось о событиях сентября 1941 года, в частности о том, что он проживает со своим сыном Михаилом [4, с. 170]. Однако в мемуаре А. Трубецкого указывается то, что Михаил вернулся в Щорсы только в конце апреля или начале мая 1942 года [1, с. 70].

А. Трубецкой пишет, что изначально Хрептович-Бутенев-старший положительно воспринял оккупационную власть, но позже разочаровался в ней. Этому поспособствовало то, что спустя некоторое время немецко-фашистская администрация отобрала у него имение, правда, жить там ему позволили, но хозяином он уже не был [1, с. 66 – 67]. А. Трубецкой упоминает о том, что директором в национализированном имении стал Ступницкий [1, с. 61]. Помимо этого, Аполлиарий негативно воспринял античеловеческие фашистские акции по уничтожению евреев. А. Трубецкой пишет о том, что евреев, которые работали в Щорсах, увезли в неизвестном направлении, а позднее были убиты самые малые и старые из них. Еще он упоминает об аналогичных действиях оккупантов в Вильно, а также о расстреле евреев в Новогрудке летом 1942 года. Тяжелое впечатление на бывшего владельца Щорсов оказал расстрел без суда и следствия рабочего из мурованки, который был бывшим работником Хрептовича-Бутенева, за то, что тот поморозил бурт с картошкой или свеклой [1, с. 66 – 67].

По мнению А. Трубецкого, Аполлиарий Хрептович-Бутенев пользовался уважением, как у оккупационных властей, так и у окружающих [1, с. 64] в то время, когда его имение уже было национализировано [1, с. 61]. Позднее, в воспоминаниях А. Трубецкого о переезде семьи Хрептовича-Бутенева в Кенигсберг, будут указаны факты, которые Трубецкой считает показателем хорошего отношения оккупационных властей Новогрудка к Аполлиарию: в пропусках не было указано место назначения в Германии, в графе «цель приезда» стояло «отпуск» [1, с. 82, 84].

В воспоминаниях А. Трубецкого содержится описание имения по состоянию на декабрь 1941 года. Прямых дат здесь не указано, но определить то, что речь идет о декабре 1941 года можно следующим образом: Трубецкого повезли в имение «декабрьским вечером» (ранее 13 декабря отмечали его освобождение из плена) [1, с. 57 – 58], далее приведена информация о том, что он стал жить в имении [1, с. 64], а позднее (уже после описания имения) говорится, что в деревне Щорсы праздновали новый год – 1942 [1, с. 65].

Итак, вернемся к описанию состояния имения в декабре 1941 года. Часть дворца была разрушена, но его центральная часть уцелела, это была единственная часть здания, у которой сохранилась крыша. Флигель имел лишь переднюю стену, которую уже начали разбирать. На фасаде дворца была размещена доска с надписью на латыни: «Pace et libertate» (на русском языке – «Мир и свобода»). Большой двор замыкался металлической оградой с решетчатыми воротами, на которых был укреплен герб Хрептовичей. Справа и слева между флигелями и оградой были голые стены каких-то строений, стоявших друг против друга, но еще более раздвинутых. Это создавало хорошую перспективу для самого дворца. К разрушенному флигелю примыкал склад зерна, а к жилому флигелю – одна из четырех сторон своеобразного каре, построек для дворни (дединец, как его называли), с собственным внутренним двором. Кроме жилых помещений, там были и конюшни. В стене складов и «дединца» имели место сквозные, сводчатые проезды [1, с. 62].

А. Трубецкой приводит информацию про имеющийся у имения парк, который находился в запущенном состоянии. По словам бывшего владельца имения, там имелись редкие породы деревьев – плакучий ясень, пирамидальная липа и другие [1, с. 62].

Вернемся к Михаилу Хрептович-Бутеневу. В начале Великой Отечественной войны он узнал о том, что его отец вернулся в имение. Это заставило сына попытаться вернуться в родные края, но туда его не пускали оккупационные власти, т. к. эти территории считались «военной зоной». Для того, чтобы вернуться к отцу, сын пошел на фронт переводчиком. А. Трубецкой отмечает то, что немцы говорили Михаилу о возможности вернуться в Щорсы после окончания войны, которая, как они полагали, закончится через месяц-полтора. Однако, как известно, боевые действия продлились намного дольше, а сыну Аполлинария пришлось более полугодом находиться на фронте. Среди населенных пунктов, в которых он побывал за это время, А. Трубецкой называет Харьков и Курск. В итоге Михаил все-таки смог вернуться в Щорсы приблизительно в конце апреля или начале мая 1942 года под предлогом того, что была необходима помощь старому и больному отцу. Автор мемуара пишет, что Хрептович-Бутенев-младший испытывал ненависть к немецко-фашистским захватчикам, а также упоминает то, что он, в отличие от отца, видел положительные черты в советской колхозной системе землепользования [1, с. 70 – 71].

В воспоминаниях А. Трубецкого содержится некоторая информация о партизанском движении, собранная на основании рассказов очевидцев. Согласно им, весной 1942 года появились первые слухи о партизанах. Причем, там сообщалось то, что действовали, как советские, так и польские партизаны [1, с. 69]. В мемуаре приведена информация о нападении полиции на партизан в Налибоцкой пуше и, в качестве мести, нападении последних на полицейский участок в Щорсах. Позднее партизаны стали приходить в имение Щорсы. А. Трубецкой не являлся свидетелем тех событий, но описывает их по рассказам очевидцев. В первый раз партизаны вскрыли кассу, забрали небольшую наличность, заглянули в некоторые комнаты и уехали. Во второй раз они провели обыск в имении, Хрептович-Бутенев-старший выразил недовольство такими действиями, за что его сильно ударили. Управляющего Малишевского партизаны вывели во двор и стали бить, но он смог сбежать. Во время бегства в него стреляли, в итоге он получил ранение в живот навывлет. Партизаны пытались его найти, но не смогли, после чего уехали. В ходе обыска они забрали письма. Утром Малишевского увезли в Новогрудок, там он и умер. В этот город поехал и вышеупомянутый представитель рода Хрептовичей-Бутеневых. Он вместе с родственником М. Трубецким поселился у пекаря Касперовича, у которого заранее снял часть дома. Сын Аполлинария и его племянник А. Трубецкой поселились около Гедиминовского замка у Ф. Ромашковой [1, с. 72 – 75].

В мемуаре А. Трубецкого содержатся данные, согласно которым Хрептовичи-Бутеневы могли пользоваться ресурсами имения Щорсы, находясь в Новогрудке. Позже, когда в мемуаре будет написано о жизни в Кенигсберге, А. Трубецкой напишет, что жить за карточки было «трудновато, особенно после привольных щорсовских хлебов» [1, с. 84]. Помимо этого, в мемуаре указано то, что изредка Михаил и его дядя А. Трубецкой ездили в имение за продуктами, Аполлинарию дали корову из имения. Данные мемуара указывают на то, что для коровы из имения можно было брать низкосортный овес, лежавший там на складе с прошлого года [1, с. 75].

В конце января 1943 года [1, с. 82] (определить год можно, т. к. немного раньше говорилось о праздновании Нового года – 1943 [1, с. 81]), получив разрешение на выезд из Беларуси, Аполлинарий и Михаил Хрептовичи-Бутеневы вместе с Алексеем Трубецким поехали на поезде в Германию. До выезда им дали новые удостоверения личности и пропуск на три месяца [1, с. 82]. Позднее они пытались получить разрешение на выезд во Францию [1, с. 85], но до получения такого разрешения решили пожить некоторое время в Кенигсберге, где их жизнь ухудшилась, т. к. там действовали продовольственные карточки. Вначале они остановились у семьи Арсеньевых [1, с. 84], но вскоре Михаил и А. Трубецкой переселились в комнату в доме на улице Диффенбах у немки Мицлаф [1, с. 85].

Михаил Хрептович-Бутенев и Алексей Трубецкой ездили в Берлин [1, с. 85], в Вену [1, с. 87], а также на курортное местечко Баденбай-Вин [1, с. 88], а затем они вернулись в Вену, позднее Михаил уехал в Берлин (его спутник продолжал путешествовать) [1, с. 91]. Во время поездок они отдыхали, ходили в гости к родственникам и знакомым [1, с. 85 – 91].

Весной 1943 года Аполлинарий, получив разрешение на выезд во Францию, уехал из Берлина в Париж. Его сын Михаил отсрочил свою поездку для того, чтобы закончить семестр в Кенигсбергском университете [1, с. 93]. Он вернулся в Кенигсберг [1, с. 95 – 96], восстановился в университете и продолжил обучение [1, с. 103]. Михаил закончил один из курсов университета, после чего уехал во Францию. Эти события А. Трубецкой относит к глубокой осени 1943 года [1, с. 109].

В своих воспоминаниях Ольга Хрептович-Бутенева пишет о том, что в 1943 году, после установления новой границы между Польшей и СССР, возникла угроза потери семьей имения Щорсы [4, с. 227]. Из воспоминаний Ольги, содержащих письма детей Аполлинария, можно узнать, что в мае 1945 года он был тяжело болен [4, с. 227]. А. Трубецкой сообщает, что в 1946 году Аполлинарий умер

в кругу семьи [1, с. 93]. Об этом имеется информация и в мемуарах Ольги, в которых указано то, смерть отца случилась летом [4, с. 228].

Итак, приведем сравнение жизни Хрептовичей-Бутеневых в период немецко-фашистской оккупации с предыдущими периодами. В период немецко-фашистской оккупации белорусских земель Хрептовичи-Бутеневы находились в лучшем положении, чем при советской власти, но в худшем, чем при польской власти и власти Российской империи. При советской власти они были подвергнуты репрессиям и потеряли большую часть своего имущества [1, с. 61], при польской и российской властях были помещиками [1, с. 60]. Однако в первом случае имеются данные о том, что они занимали разные государственные должности, во втором данные об этом отсутствуют [3]. В годы Великой Отечественной войны оккупационные власти сначала вернули Аполлинарию Хрептовичу-Бутеневу собственность, но затем опять забрали, хоть и позволили жить в поместье, но без права управлять им [1, с. 61, 67]. Вместе с тем, Хрептовичи-Бутеневы могли пользоваться ресурсами Щорсов [1, с. 75], имея хорошие отношения с местной оккупационной властью [1, с. 82]. Тем не менее, как и в случае с советской властью, приспособиться к новым условиям жизни представителям рода Хрептовичей-Бутеневых удавалось лишь временно. Этому процессу мешала как политика захватчиков [1, с. 66 – 67], так и партизанское движение [1, с. 73 – 74]. Поэтому Аполлинарий и его сын Михаил уехали в Западную Европу [1, с. 93, 109].

Таким образом, в период немецко-фашистской оккупации Аполлинарий Хрептович-Бутенев и большинство членов его семьи придерживались мирной жизни, не принимая участия в каких-либо боевых действиях или карательных операциях. Исключением стал его сын Михаил, работавший переводчиком на фронте (на стороне Германии), стремясь воссоединиться с отцом. На оккупированных нацистами белорусских землях Аполлинарий временно владел имением Щорсы. Утратив это право, он и его сын Михаил могли пользоваться ресурсами имения, что делало их положение более выгодным, чем при жизни в нацистском Кенигсберге в 1943 году. Аполлинарий Хрептович-Бутенев старался поддерживать хорошие отношения с местной оккупационной администрацией. Однако в условиях ужесточения политики оккупантов и развития партизанского движения Хрептовичи-Бутеневы решили уехать в Западную Европу. Положение Хрептовичей-Бутеневых в захваченной гитлеровскими войсками Польше было хуже, чем на белорусских землях, т. к. у них было значительно меньше ресурсов и приходилось существовать за счет продажи своего личного имущества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубецкой, А. В. Пути неисповедимы: (Воспоминания 1939 – 1955 гг.) / А. В. Трубецкой. – М.: Контур, 1997. – 413 с.: портр., ил.
2. Карев, Д. Хрептовичи: род и его представители в европейском историко-культурном контексте / Д. Карев // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. – Запоріжжя: ЗНУ, 2013. – вип. XXXVII. – С. 200 – 205.
3. Фамилия Бутенев [Электронный ресурс] // Центр генеалогических исследований. – Режим доступа: <https://rosgenea.ru/familiya/butenev>. – Дата доступа: 09. 05. 2022.
4. Хрептович-Бутенева, О. А. Перелом (1939-1942) / О. А. Хрептович-Бутенева. – Paris: YMCA-Press, 1984. – 228 с.: портр. – (Всероссийская мемуарная библиотека. Наше недавнее; 5).
5. Польша в XX веке. Очерки политической истории / Ответственный редактор А. Ф. Носкова. – М.: Издательство «Индрик», 2012. – 952 с.
6. Гребень, Е. А. Землепользование и проблема его регулирования в период нацистской оккупации Беларуси / Е. А. Гребень // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2011. – № 9. – С. 96 – 101.
7. Гребень, Е. А. Проблема реституции имущества репрессированных советскими властями граждан в условиях нацистской оккупации / Е. А. Гребень // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны: зборнік навуковых артыкулаў. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2017. - Вып. 6. - С. 111-115.
8. Беляев, А. В. Национальный аспект формирования органов местной коллаборационистской администрации в Беларуси в годы немецкой оккупации (1941–1944 гг.) / А. В. Беляев // Сборник научных трудов сотрудников кафедры "История, мировая и отечественная культура" / под ред. В. А. Божанова, Д. Н. Хромченко. - Минск: БНТУ, 2013. – С. 38-50.